

не протестовать по этому делу до времени. С своей стороны, он твердо уверен был во всей несомненности дела; он только не знал, с чьей именно стороны шел удар. «Да и Бог знает, — думал он, — ведь если так разобран, так кто их там знает? Может быть, это и совсем ничего; так, может быть, только попутать меня вздумали, а как увидят, что я ничего, не протестую и совершенно смиряюсь, с смирением переношу и стыд свой и горе, так и отступятся, сами отступятся, да еще первые отступятся. Они, может быть, кто их знает, может быть, и добра мне желают. Пройдет! авось на добрых людей нападу!» Таким образом раздумывал господин Голядкин о своем положении и во всяком случае решился ожидать смирно последствий и со временем, потому, когда, например, уже слишком будет угрожать опасность, так только тогда разве идти к его превосходительству.

Так вот такие-то мысли были в голове господина Голядкина, когда он, потягиваясь в постели своей и расправляя разбитые члены, ждал этот раз обычного появления Петрушки в своей комнате. Ждал он уже с четверть часа; слышал, как ленивец Петрушка возится за перегородкой с самоваром, а между тем никак не решался позвать его. Скажем более: господин Голядкин даже немного боялся теперь очной ставки с Петрушкою. «Ведь Бог знает, — думал он, — ведь Бог знает, как теперь смотрит на всё это дело этот мошенник, как он там судит об этом деле по-своему. Он там молчит-молчит, а сам себе на уме». У господина Голядкина даже явилось какое-то тайное, отдаленное подозрение, что, дескать, не с этой ли стороны нужно искать ключа, разрешения загадки. Наконец дверь заскрипела и явился Петрушка с подносом в руках. Господин Голядкин робко на него покосился, с нетерпением ожидая, что будет, ожидая, не скажет ли он наконец чего-нибудь насчет известного обстоятельства. Но Петрушка ничего не сказал, а напротив, был как-то молчаливее, суровее и сердитее обыкновенного, косился на всё исподлобья; вообще видно было, что он чем-то крайне недоволен; даже ни разу не взглянул на своего барина, что, мимоходом сказать, немного кольнуло господина Голядкина; поставил на стол всё, что принес с собой, повернулся и ушел молча за свою перегородку. «Знает, знает, всё знает, бездельник! — ворчал господин Голядкин, принимаясь за чай. — Его бы нужно порасспросить хорошенько, выведавать кое-что от него, этак отдаленно начать, тонким образом, проговориться заставить его. Он, шельма, упрям... да ведь ласковым образом. Этак сначала польстить ему, вот как, и уж после приступить к расспросам». Однако ж герой наш ровно ничего не расспросил у своего человека, хотя Петрушка несколько раз потом входил в его комнату за разными надобностями. В самом тревожном положении духа был господин Голядкин. «Только бы скорее разрешилось-то всё, — думал он, — уж как бы там ни было, а только бы пускай разрешилась-то вся эта кутерьма поскорее». Жутко было еще идти в департамент. Сильное предчувствие было, что вот именно там-то что-нибудь да не так. «Ведь вот пойдешь, — думал он, — да как наткнешься на что-нибудь. Не лучше ли теперь потерпеть? Не